

УДК 82.0+821.161.3

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» КАК СРЕДСТВО ВНЕДРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИФА В БЕЛОРУССКИХ РОМАНАХ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ*канд. филол. наук, доц. М.М. ИОСКЕВИЧ**(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск)
marioskevich@yandex.ru*

Цель статьи – проследить особенности внедрения социального мифа в художественный текст на уровне системы персонажей через полюса бинарной оппозиции «свой – чужой» (на материале белорусских произведений о коллективизации). Мифологический пласт произведений о коллективизации включает архаический героический миф, а также миф о врагах, оказывающихся помехой на пути достижения идеального общественного устройства. В произведениях о коллективизации на уровне сюжета героический миф трансформируется в повествование о «своих» – людях, проводящих коллективизацию, чья деятельность конструктивна и вызывает положительный модус читательского восприятия. Враги всеми силами пытаются маскироваться с целью нанести вред советскому обществу. Данное противопоставление отражало требования социального заказа и способствовало оправданию преследования «чужих».

Ключевые слова: *социальный миф, коллективизация, бинарная оппозиция «свой – чужой», «Язэп Крушыньскі» З. Бядулі, «Сцежкі зведанья і нязведанья» А. Кулаковского, трилогия «Палеская хроніка» І. Мележа.*

Введение. Социальная мифология является одним из актуальных направлений исследования гуманитарных наук, таких как философия, политология, социология, находящемся в стадии становления. «Энциклопедия социологии» дает следующее определение социальной мифологии – это «мифологическое сознание, эмоционально окрашенное, чувственное представление о социальной деятельности, замещающее и вытесняющее реальное представление о ней и ее подлинное знание, подменяющее объективное его субъективным восприятием, внешним и вымышленным» [1]. П.С. Гуревич рассматривает социальный миф как особого вида духовную деятельность «по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы» [2, с. 9].

Как известно, художественный текст может выступать одним из средств внедрения социального мифа, оказывать идеологическое воздействие на читательское сознание, что неоднократно отмечалось учеными [3; 4]. Однако до сих пор не раскрыты авторские механизмы, которые обуславливают это воздействие. Как мы полагаем, в художественном произведении на уровне системы персонажей установки социального мифа реализуются с помощью бинарной оппозиции «свой – чужой».

Бинарная оппозиция «свой – чужой» является «базовым и дискуссионным концептом» [5, с. 164] для целого ряда гуманитарных наук, в частности, филологии, культурологии, философии, политологии, этнологии, социологии, психологии и др., и определяется как одно из древнейших архетипических представлений человека, которое пронизывает всю культуру и лежит в основе «коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [6, с. 126].

Как утверждает Т.А. Корниенко, «актуализация архетипических моделей создания политического мифа обеспечивает эффект “заражения” и порождает определенный тип действия людей, в частности специфическую модель сознания и поведения, которая противопоставляет рациональной идее однородного и универсального политического мира дихотомическую систему межличностных ориентаций: “наши – не наши”, “справедливый политический порядок – несправедливый политический порядок”» [7, с. 51]. Данная дихотомическая система находит отражение в системе персонажей произведений, испытавших влияние социального мифа, организуя четкое разделение героев на положительных и отрицательных, «своих» и «чужих».

Эта оппозиция обладает естественно-историческими предпосылками и возникла еще на ранних стадиях социогенеза, проистекая из дифференциаций агрессивных и альтруистических форм поведения. Исследователи полагают, что данное противопоставление существует с эпохи палеолита, где солидарность общины обеспечивалась в связи с существованием врага. Чтобы испытывать чувство защищенности, изолированному сообществу необходимо противопоставление «своего» и «чужого» [8, с. 47]. Как отмечает С.В. Иванова, «чужой несет в себе что-то устрашающее или угрожающее. Ибо все, что характеризуется свойством чужой, – это не просто “не свой”, не связанный родственными или близкими отношениями, не совпадающий по духу, взглядам, интересам и потому далекий, но и нечто смыкающееся с чужим и иноподобным, а потому неестественное, непривычное и отторгаемое своим собственным существом, то есть непонятное, странное, противоположное, противостоящее и даже враждебное» [9, с. 23].

Между тем, социальная и культурологическая оппозиция «свой – чужой» является проекцией древней мифологической оппозиции «живой – мертвый», соотносимой с основными антропологическими

категориями бытия. В.С. Иванов и В.Н. Топоров отмечают в качестве одной из реализаций функционирования оппозиции «свой – чужой» ее интерпретацию по принципу «человеческое – нечеловеческое»: «“свой” обозначает принадлежность к человеческому, а “чужой” – к нечеловеческому, звериному, колдовскому» [10, с. 96]. Эта проекция соответствует структуре социального мифа, в которой, как утверждают исследователи, «над архаическим пластом надстраивается социальный, или конъюнктурный компонент» [11, с. 26].

Проследить особенности внедрения социального мифа в художественный текст на уровне системы персонажей через полюса оппозиции «свой – чужой» представляется возможным с помощью анализа произведений о коллективизации. Материалом исследования послужили белорусские романы «Язэп Крушынскі» З. Бядули, «Сцежкі звезданья і нязвезданья» А. Кулаковского, трилогия «Палеская хроніка» И. Мележа. Тема коллективизации, как известно, стала одной из основных тем социального заказа в советской литературе. В произведениях данной тематики перед авторами стояла задача изобразить жизнь в единоличной деревне в негативном ключе, заставить читателя почувствовать необходимость перемен, которые принесла коллективизация. Архаическую мифологическую основу данных произведений составляют мессианский миф – о герое, который призван преобразовать существующий порядок, а также миф о «чужих» (врагах). Как утверждает О. Эдельман, пролетариат стремился утвердить гегемонию по отношению к крестьянству, полностью подчинить его себе, поскольку аграрное начало соотносится с женской и хтонической плодородной сутью земли, враждебной силой. Именно поэтому особенно важной и трудной задачей стала коллективизация, «упорядочение ненавистникам большевикам крестьянского хаоса, который сопротивлялся изо всех сил» [12]. Отсюда, полагает исследовательница, и причины жесткого отношения большевиков по отношению к крестьянству, стремление разорвать связь аграрного населения с землей путем ее огосударствления, введения коллективного хозяйствования и механизации крестьянского труда.

Основная часть. В романах о коллективизации оппозиция «свой – чужой» раскрывается, в первую очередь, по отношению к герою, несущему перемены, противопоставленному крестьянскому обществу. В трилогии «Палеская хроніка» таким героем является комсомолец Миканор Дятел, младший командир Красной Армии, который после демобилизации возвращается в родную деревню. Миканор является «чужим», прежде всего, в собственной семье, потому что начинает бороться с вековыми традициями и обычаями. Сам герой принадлежит к «миру живых», что пугает пассивных односельчан, и они сперва не решаются поставить его во главе строительства гребли: «Кеб не выбраць халеру – гарачы не ў меру!» [13, с. 157]. Но побеждает кандидатура Миканора, ведь, по словам Апейки, «Гарачы – не бяда! Не быў бы халодны! Гарачы – значыць, дабра людзям хоча, неабяякавы! Значыць, справу павядзе добра» [13, с. 157].

В романе З. Бядули рабфаковец Микола Яремчик также ощущает себя «чужим» в семье, которая относится к нему как к гостю. Соседи поглядывают на первого комсомольца с интересом. Мать старается приготовить еду повкуснее, что вызывает негодование Миколы. Отец желает приобщить парня к хозяйству, но тот с горечью осознает, что единственная мечта отца-бедняка – стать богаче. Старый Цыпрук также разочарован в сыне, ведь он рассчитывал, что с его «комсомольством» жизнь изменится к лучшему. Крестьянин-активист Антось Драчик, всегда и везде говорящий правду, также принадлежит к «миру живых». Идея коллективизации вдохновляет его, преобразует его телесность, превращая в мифологического героя, отдающего жар своего сердца людям: «Ён увесь як бы новым, іншым чалавекам стаў. Вочы наліваліся полымем рэвалюцыі. Іскры сыпаліся з яго вачэй ва ўсе бакі, на ўвесь гайдачанскі сход. Людзі гарэлі. Тупаліся ў цеснай хаце і таксама рваліся гаварыць» [14, с. 307].

Авторы демонстрируют, что в 1920–30-е гг. принадлежность к «своему» определяется, прежде всего, через социальное положение. «Чужими» в советском обществе являются враги – кулаки и представители интеллигенции, так называемые национал-демократы, которые успешно маскируются под честных граждан. Интересы кулаков-хуторян диаметрально противоположны интересам обычных крестьян, что выдает их вражескую сущность: «Не было ніводнага выпадку, каб вяскоўцы з хутаранамі разам радаваліся б альбо разам сумавалі. Калі хочаш ведаць, хто з кім у прыязні, якія людзі злучаны ў адну масу, глядзі, хто з кім разам радуецца, хто з кім разам сумуе» [14, с. 310].

Основные «чужие» трилогии И. Мележа принадлежат семейству Глушаков. Образ старого Глушака воплощает все типичные черты, приписываемые властью кулаку. Это жадный человек, поступающий моральными принципами, не останавливающийся ни перед чем в целях накопления богатства: женится из-за богатого приданого, скупает у бедняков землю, по сути, держит под своей властью всю деревню. Из-за жадности кулака гибнет дочка Ганны, происходит разрыв с младшим сыном Степаном. Глушак пытается приспособиться, маскироваться, для того чтобы выжить и дожидаться избавления от большевиков: «Сіла трэба! На сілу – сіла! Падтрымка трэба! Вайна! Адна надзея – вайна!» [15, с. 126]. Подлость, двойственность кулаков проявляется даже в межличностных отношениях. Приятель Глушака Хрол заявляет, что их, кулаков, надо давить как пиявок. Сам Глушак решает ради спасения изменить отношение к людям, быть спокойней, мягче, наладить общение со свояками Чернушками.

«Свои» превращаются в «чужих» при смене точки зрения, из-за иной системы ценностей. Так, Миканор утрачивает лучшего друга и помощника Хоню, который решает повенчаться с Хадоськой в церкви

и выписаться из колхоза. Хоня рассчитывает сперва перевоспитать девушку, а затем всей семьей вступить в колхоз, но Миканор не желает идти на компромиссы, окончательно порывая с другом. Знакомясь с Ганной, Башлыков не знает, что она бывшая жена кулака, следовательно, человек с запятнанной репутацией. Описывая день венчания Ганны и Евхима, автор вводит такую деталь: повозки, везущие молодых в церковь, попадают в грязь, из которой, оказывается, так трудно выбраться. «Грязь», жизнь в кулацкой семье, оставит след в судьбе Ганны, очернит ее в глазах Башлыкова. Признание Ганны в своем прошлом навсегда зачеркнет возможность их совместного будущего.

«Чужими» могут стать прежние «герои», избравшие неверный путь единоличного хозяйствования, отрекшиеся от своих убеждений. Так, в романе З. Бядули красноармеец Федор после женитьбы обзаводится новой хатой, гумном, отдалается от своих друзей, занятых делами коммуны. Герой «перерождается», изменяется на внешнем и внутреннем плане изображения. Исчезает такая «живая» черта героя как «хлопцоўская вёрткасць», претерпевает изменения телесность: «тыднямі не галіўся», «бровы яго заўсёды цяпер насупленыя, вочы накіраваны ў адзін пункт», «нават голас яго змяніўся, пасталеў: няма лішніх неабмеркаваных выкрыкаў». В разговоре Федор становится другим человеком, что подчеркивает его новый социальный статус успешного хозяина: «слышыць павольна, тоненькім шнурком, нібы праводзіцца роўнянкая, але глыбокая баразна. Не кідае Хвёдар слоў на вецер. Кожнае слова выпешчана, вынашана ў думках; выцягвае Хвёдар яго, нібы па кропельцы мёду з поўных сотаў» [16, с. 175], «гмыканне прышчэпілася да яго гутаркі, стала патрэбным, як восі да колаў» [16, с. 176].

Коммунары предупреждают Федора об опасности отрыва от «живой» общественной жизни: «Глядзі, Хвёдар, каб ты тут гаспадарчай шэрсцю не абрастаў» [16, с. 176], «праз некаторы час зробішся воўкам, мядзведзем у бярозе» [16, с. 179]. Исчезает искренность в разговоре друзей, которых охватывает грусть при посещении бывшего товарища, превращающегося в «мертвого» члена общества. Описание застолья скорее напоминает тризну по усопшему: «Не клеілася ў іх гутарка. Гарэлка і закуска не памаглі. Моўчкі елі і пілі. Часта спыняліся, забываліся пра ежу. Змітрок глядзеў у новую сцяну сумным позіркам» [16, с. 178].

Лишь на минуту проступают в Федоре черты «живого» человека: «Хвёдар зноў як-бы стаў ранейшым (да наладжвання ўласнай гаспадаркі): руплівым, гарачым, вёрткім, шчырым і натуральным. Ранейшы голас, ранейшы блеск у вачах» [16, с. 178]. Он пытается донести до товарищей свою точку зрения, оправдаться: «усе гады пражыў у беднаце, у гразі, у цемнаце. Дык ці-ж не маю права і я, г-м-м... наладзіць сваё жыццё? Хачу трохі на ногі падняцца. Няўжо-ж гэтым раблю злоўчынак перад бядняцкаю грамадою?», «Вы-ж сапраўды лічыце мяне злачынцам. За што? За тое, што я чытаю газеты і кніжкі і хачу суседзям паказаць розніцу паміж маёй гаспадаркай і іхняй?» [16, с. 179]. Эта точка зрения, с одной стороны, раскрывает трагедию крестьянства, которое действует в рамках дозволенного законодательством. С другой стороны, автор упорно проводит линию осуждения подобных «перерожденцев». Комсомолец Федор превращается в настоящего кулака: тайно крестит ребенка в церкви, заводит дружбу с Крушинским, за бесценок забирает сенокос у больного односельчанина. Как результат, он «адчувае за сваёй спіною неспагдлівыя вочы пасялкоўцаў. Яны перасталі яго паважаць» [16, с. 192].

Задумывается о своем статусе «чужого» и главный герой романа, кулак Крушинский, понимая, что его все глубже захватывает преступная деятельность: «Кіну! Раз назаўсёды буду займацца адной чыстай справай – культурнай сельскай гаспадаркай. Курганішча зробіцца цудоўным садам, куды будуць прыязджаць дзівавацца з усіх краін Саюза. Калі ўвесь аддамся гэтай справе, тады не тое будзе, што цяпер. І ўсе страхі згінучь. Раз пакончу з гэтымі паганымі хованкамі! Наркамзем будзе мяне хваліць. Трактар у нагароду прышлюць» [14, с. 227]. Однако жажда наживы, власть, которую дают деньги, не дают Крушинскому сойти с неверного пути.

В трилогии «Палеская хроніка» «чужим» для власти становится и Василь Дятел – самый близкий для И. Мележа персонаж, демонстрирующий сознание крестьянина в переломный для Беларуси период 1920-х гг. Для Василя характерна психологическая двойственность и противоречивость, которая отражена как во внешнем облике героя (автор не случайно наделяет Василя глазами разного цвета), так и в его внутренних изменениях, прослеженных в трилогии. В «Людзях на балоце» Василь еще фактически юноша, взявший на себя бремя хозяйских забот. Все его мечты связаны с достатком, с хорошим наделом земли. В «Подыхе навалыніцы» Василь – это уже хозяин, достигнувший желанного достатка, вытянувший семью из нищеты. Во втором романе образ Василя представлен во всей психологической глубине. Отношение Василя к Ганне, их тайные встречи символизируют «идеальное» в противопоставлении «материальному» – любви Василя к земле. Эта оппозиция была истолкована самим автором: «Жаніцьба з Маняю – гэта перамога матэрыяльнай стыхіі, спатканні з Ганнаю – шкадаванне аб ідэальным, імкненне да яго. У несумяшчальнасці гэтых абедзвюх стыхій – зерне Васілёвых трагедый, яго жыццёвых пакут» [17, с. 137].

Василь женится на Мане, но как будто выбирает в жены не женщину, а землю. Любопытно, что и внешний вид, и характер Мани дают основание отождествлять ее со стихией земли: это полная неповоротливая женщина, неумелая в работе. Любовь Василя к земле отражает мифологическое отношение к ней белорусов как к «живой истоце, якая нясе ў сабе жаночы пачатак» [18, с. 201]. Перед самым переделом земли

в пользу колхоза Василь намеренно засеивает свой участок, как будто подтверждая этим процессом, символизирующим осеменение, право владельца как право мужа. Земля-«женщина», как и Ганна, просит защиты: «адступіўся ад яе, не памог выбавіцца, кінуў адну ў бядзе» [15, с. 402]. Однако Василь не в состоянии ни помочь Ганне, ни отстоять свою землю.

Таким образом, трилогия раскрывает, как власть активно превращает в «чужих» крестьян, не поддерживающих ее линию. К Василю, который выбился из бедности, укрепил свое хозяйство, отношение такое же, как и к кулацкому сыну Евхиму. У Василя забирают его лучший надел земли, который должен теперь принадлежать колхозникам, угрожают дать твердое задание. Статус «чужого» невозможно изменить, за ним может следовать только наказание. Башлыков удивлен, что Игната, который схватился с каморником при переделе земли, отпустили из-за того, что он отец большой семьи. К врагу не должно быть жалости и прощения. Напротив, народная мудрость, библейский завет братской любви звучит в словах матери Миканора, которая осмеливается высказать свое мнение перед партийным руководством: «Не можно – штоб брат на брата» [19, с. 125]. Она заступает за Глушака: «Які ён цяпер элемент! – Толькі званне асталося – што багацей!» [19, с. 125]. Она искренне верит в силу родственных связей, в единство семьи, необходимость защищать «своих» от «чужого»: «Мало таго, што налагамі. Дак і ў калгас не пускаюць! Свет чалавеку завязалі. Так ето трэба?» [19, с. 125].

Трагедию Василя автор объяснял в полном соответствии с представлениями своего времени: в социальном аспекте трагедия Василя, как и тысяч других крестьян, обусловлена тем, что он не видит верного пути, в то время как «гуманнасць новага часу – што ён дае ўпершыню магчымасць такім гаротным Василям злавіць і сініцу на зямлі, і жураўля ў небе» [17, с. 137]. Однако время дает возможность иначе истолковать один из центральных образов трилогии. Как мы полагаем, трагизм образа Василя в том, что советская власть, которая была объявлена властью трудящихся, призванной защищать интересы именно таких людей, как Василь, на самом деле видит в нем не цель, а только средство проведения социалистических преобразований в стране. Василь, объявленный властью хозяином («Цяпер жа ўласць усё для такіх стараецца!..» [13, с. 31]), на самом деле остается для нее не более чем «мурашкой», обреченной на безропотное подчинение.

В ментальном и психологическом аспекте трагедия Василя обусловлена его приверженностью к материальному, земному, его нерешительностью, непониманием происходящего. По словам Апейки, Василь – «крот», который уверенно себя чувствует только в привычной для него стихии – земле; столкнувшись с иной средой, он обнаруживает редкостную слепоту. Поэтому Василь просто не в состоянии осознать расхождение между декларациями и реальной политикой сталинской власти. Противостояние Василя вхождению в колхоз ставит его в один ряд с кулаками, грозит получением твердого задания.

«Чужими» для власти становятся также дети кулаков. Степану Глушаку запрещено вступать в колхоз из-за социального происхождения. Юноша сбивается с ног, пытается найти «правду» и доказать, что он и его отец – не одно и то же. Очевидна трагедия детей, вынужденных отвечать за дела отцов. В романе «Язэп Крушынскі» дети отказываются играть с дочками Крушинского, потому что они, как и их отец, «сволачы і кулак» [16, с. 276]. Лживость высказывания И. Сталина о том, что «сын за отца не отвечает», характеризует сущность советской идеологии, расхождение на официальном и повседневном уровнях, когда с трибун заявлялось одно, а на деле вершилось противоположное.

В «Подыхе навалініцы» возникновение в Куренях колхоза приводит к разделению деревни, к появлению приверженцев старого и нового уклада жизни, то есть к формированию оппозиции «колхозники – единоличники», которая является проекцией оппозиции «свой – чужой». Единоличники продолжают жить по старым «звериным» законам, не веря в положительный результат создания колхозов. Тем больше их удивление, когда они замечают, что колхозники действительно становятся одной семьей, семьей «новой», где все делается сообща. Эта «новая семья» противопоставляется семье обычной, в которой не редки разлад и несогласие: «Калгасаўцы нібы ўстанаўлівалі сваё сваяцтва, асобнае ад таго даўняга, ад веку, ад Бога» [15, с. 152]. Сам Миканор считает себя «бацькай» этой новой колхозной семьи. Более того, колхозники действительно гордятся своим положением, чувствуя собственную причастность к новой жизни. Борьба за лучшую землю представляется Миканору «нейкай пазіцыяй, адваяванай у тых, хто несумленна захапіў яе, хто думаў утрымацца на дарозе» [15, с. 437]. Кульминацией конфликта в контексте данной оппозиции является сцена перераспределения земельных участков в пользу колхоза. Социальная война, которая разъединяет жителей одного села, разгорается и на просторах всей страны. Авторы показывают, как расхождение мнений по поводу коллективного хозяйствования рушит семьи. Многие молодые люди поддерживают новые начинания советской власти, оказываясь в глубоком конфликте со старшим поколением: «– Дык давай дзяліцца! – крыкнуў ён. І голас яго стаў падобным да бацькавага. – Я са сваёй часткай перахаджу ў калгас! – Не сын ты мне! – А ты мне не бацька!» [16, с. 177]. В подобном конфликте раскрывается аллюзия на библейскую цитату: «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей» (Матф. 10:21-42). Поддержка советской власти как «новой религии» приводит к ценностному конфликту, отчуждает отцов и детей, мужей и жен: «Наўрад ці знойдзецца ў вёсцы хоць адна незаможная сям'я з поўным ладам і згодай у адзін бок ці ў другі» [20, с. 66]. В третьей книге трилогии Башлыков замечает, что в хате

Миканора вместо прежних икон, за которые так заступалась мать, висят портреты вождей революции. Ценности молодого поколения побеждают, и «новая религия» упрочивается, как кажется, навсегда.

Трагизм событий, изображенных в трилогии, заключается в том, что для государства оппозиция «колхозники – единоличники» является устойчивой, более того, оно расценивает всех единоличников как врагов. Между тем их состав неоднороден. Единоличниками объявляются как бедняки, так и кулаки. По словам Башлыкова, «з ім, з ворагам, заадно фактычна колькі такіх, што павінны быць з намі. Толькі з-за дурной сялянскай глухаты, з-за чапляння за старое, з-за нежадання бачыць і разумець новае» [19, с. 159]. Апейка замечает: «і заможныя і беднякі не ўсе былі на адзін капыл. Былі сярод заможных багацеі-кулакі, п'яўкі, што толькі і жылі з чужой крыві, з чужога поту, а былі і такія заможнікі, дзе дастатак увесь набываўся тым, што сям'я ўся – з падрослых, працавітых дзяўчат ды хлопцаў, якімі правіць суровы, бязлітасны камандзір-бацька. <...> Былі бедныя, што век у працы, у клопаце, і бедныя, што чухаліся і то з лянотаю; былі век цвярозыя і век п'яныя» [15, с. 177].

В период оттепели оппозиция «свой – чужой» обозначается также при изображении сюжетной линии партийного руководства, осуществляющего коллективизацию, и заключается в противопоставлении «ленинского» и «сталинского» стиля руководства. Миканор, Башлыков действуют в соответствии со сталинскими методами. Для них важно быстрое достижение поставленных целей, количество созданных колхозов, т.е. внешнее проявление успехов коллективизации. Они жестки и непреклонны по отношению к людям. Апейка следует ленинским принципам, ратуя за качество аграрной политики, за разумный подход к делу. Именно Апейка воплощает тот гуманный подход к делу коллективизации, который на языке крестьян обозначается «па-доброму» и так часто упоминается в тексте трилогии.

С одной стороны, обе стороны ратуют за единое дело, за успех коллективизации, что, казалось бы, не предполагает между ними конфликта. С другой стороны, конфликт между ними, причем конфликт глубокий, существует. Он был назван «сутычкай светапоглядаў, канфліткам прынцыповым» [21, с. 198], столкновением двух идеологий – «партыйна-дэмакратычнай і злачынна-бюракратычнай» [22, с. 233]. Уже в 1990-е гг. трагизм этого конфликта видится в том, что, по словам В. Локун, «працаваць па-ленінску – таксама быў міф, добрая казка» [22, с. 230]. Как результат этого конфликта, в разряд врагов, «чужих» попадают честные и преданные партии люди.

Так, оказывается, Миканор – троюродный брат Евхима Глушака, у Апейки также брат – кулак, а брат Башлыкова женится на дочке нэпмана. Беда нависает не только над кулаками, которым угрожает депортация в Сибирь. Башлыков решает призвать к ответственности Миканора и Гайлиса за либерализм, потворство врагу: «Гайліс за ўсё тое, што учыніў, бяспрэчна, заслугоўвае выключэння з партыі. Строгае спаганне варта даць і Глушаку. Абодвух, вядома, належыць вызваліць ад пасада. Бесхрыбетным згоднікам не месца на такіх адказных пасадах, дзе патрэбны рашучасць і цвёрдасць» [19, с. 157]. Апейку, про которого люди говорят, что он – воплощение советской власти, настоящий большевик, внимательный к людям, Башлыков считает безнадежным оппортунистом.

Однако авторы не скрывают, что и советская власть становится «чужой» для крестьян, действуя обманом и насилием. Крестьяне участвовали в революции, так как им обещали землю. Однако не прошло и двадцати лет, как землю отбирают, убеждая, что она по-прежнему останется в их пользовании, только станет общей. Но общая – это не твоя, это, по сути, ничья. Крестьянин беспомощен перед властью, которая им безжалостно манипулирует. Отсюда – подозрительность, сопротивление и ненависть крестьян к руководящим работникам. Это видно на сходе, при посещении партийной верхушкой крестьянских домов. Исконно гостеприимные люди ведут себя враждебно, не желают разговаривать с агитаторами.

Оппозиция «свой – чужой» взаимодействует с социальным мифом через социальную мифологию «правда», добиться которой в трилогии пытаются и крестьяне, и руководители района. В романе демонстрируется официальная «правда», звучащая с трибун съездов и страниц газет, обличающая врагов – «чужих», к которым при желании может быть причислен каждый, вызывая неприятие в душах здравомыслящих людей: «колькі ў любога чалавека, асабліва з тых, хто на кіруючай рабоце, такога, к чаму можна пры ахвоце прычапіцца! Прычапіцца, крыва расталкаваць, перавярнуць усё да гары нагамі» [15, с. 383]. Официальная «правда» отличается от правды реальной, которая раскрывается через диалоги персонажей, внутренние монологи. Как полагает автор, только время может расставить все по своим местам: «Час пакажа, чья праўда! Праўда скажа сваё!» [15, с. 298].

Заключение. Мифологический пласт произведений о коллективизации включает архаический героический миф, а также миф о врагах, оказывающихся помехой на пути достижения идеального общественного порядка. На уровне сюжета героический миф трансформируется в повествование о людях, проводящих коллективизацию, чья деятельность конструктивна и вызывает положительный модус читательского восприятия. Враги всеми силами пытаются маскироваться с целью нанести вред советскому обществу. Данное противопоставление отражало требования социального заказа и способствовало оправданию преследования «чужих» в читательском восприятии.

Роман «Язэп Крушынскі» создавался непосредственно во время проведения коллективизации, был напрямую обусловлен социальным заказом, из-за чего на внешнем уровне образ кулака соответствовал

идеологическим требованиям, а процесс раскулачивания представлялся исторически оправданным и закономерным. Здесь оппозиция «свой – чужой» заявлена предельно четко, где «чужим» безоговорочно присваивается статус врага («чужие» – кулачество и национал-демократы; «свои» – партийные руководители, передовая молодежь, сельские активисты и т.д.). «Чужие» стремятся выдать себя за «своих», что соответствует утверждению социального мифа о присутствии в государстве внутренних врагов, подлежащих уничтожению. Данная оппозиция персонажей соблюдается и в романах «оттепели», которые тем не менее подходят к ее раскрытию более глубоко. «Свои» с легкостью могут быть объявлены «чужими» советской властью, что свидетельствует об авторской попытке обозначить двойные стандарты советской эпохи, манипулирование людьми, трагедию репрессий. Это, в свою очередь, делает саму советскую власть «чужой» для народа. Авторы послевоенной поры глубже подходят к раскрытию психологии персонажей, исторической оценке раскулачивания, которое в их изображении предстает не как вынужденная ликвидация внутреннего врага, а как одна из самых трагичных страниц в истории белорусского крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальная мифология [Электронный ресурс] // Энцикл. социологии. – Режим доступа: https://sociology_dictionary.academic.ru/4428/. – Дата доступа : 22.07.2018.
2. Гуревич, П.С. Социальная мифология / П.С. Гуревич. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
3. Козинец, С.Б. Реализация топоса «общественный долг превыше личных интересов» в литературе соцреализма / С.Б. Козинец // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – С. 325–329.
4. Круглова, Т.А. Героический миф в постсоветском пространстве: рецепция соцреализма в современной России (на примере произведений А. Гайдара) / Т.А. Круглова // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 2 (24). – С. 189–193.
5. Юдалбашев, А.Ф. Особенности выражения концепта свой-чужой в современных англоязычных фильмах / А.Ф. Юдалбашев // Науч. ведомости БелГУ. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – № 18 (113). – С. 164–170.
6. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Академ. проект, 2001. – 990 с.
7. Корниенко, Т.А. Сущность и структура политического мифа / Т.А. Корниенко // Власть. – 2009. – № 10. – С. 49–53.
8. Волков, Ю.К. Естественноисторические предпосылки оппозиции «свой – чужой» на ранних стадиях социогенеза / Ю.К. Волков // Философия и общество. – 2006. – № 3. – С. 46–60.
9. Иванова, С.В. Телесные корни лингвокультурологической категории «свой – чужой» / С.В. Иванова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 5. – С. 20–31.
10. Иванов, В.С. К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы / В.С. Иванов, В.Н. Топоров // Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М. : Наука, 1965. – С. 63–218.
11. Иванов, А.Г. Социальная мифология в политике / А.Г. Иванов // Logos et praxis. – 2017. – Vol. 16, № 3. – С. 23–31.
12. Эдельман, О. Легенды и мифы Советского Союза [Электронный ресурс] / О. Эдельман. – 2015. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_15.htm. – Дата доступа: 26.01.2016.
13. Мележ, І. Людзі на балоце : раман з «Палескай хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 399 с.
14. Бядуля, З. 36. тв. : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 4. – К. 1 : Язэп Крушынскі : раман. – 375 с.
15. Мележ, І. Подых навалніцы : раман з «Палескай хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 510 с.
16. Бядуля, З. 36. тв. : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 4. – К. 2 : Язэп Крушынскі : раман. – 571 с.
17. Мележ, І. Эпістальярная спадчына (1945–1976) / І. Мележ // Летапіс жыцця і творчасці : зб. тв. у 10 т. – Мінск : Маст. літ., 1985. – Т. 10. – 496 с.
18. Крук, І. Зямля / І. Крук, У. Лобач, Я. Сахута // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 200–202.
19. Мележ, І. Завей, снежань : раман з «Палескай хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 238 с.
20. Кулакоўскі, А. Спежкі зведання і нязведання / А. Кулакоўскі. – Мінск : Маст. літ., 1974. – 304 с.
21. Куляшоў, Ф. Апошні раман Івана Мележа / Ф. Куляшоў // Польша. – 1980. – № 8. – С. 190–210.
22. Локун, В. Вялікі свет маленькіх Куранёў / В. Локун // Польша. – 1994. – № 3. – С. 225–237.

Поступила 09.03.2020

THE BINARY OPPOSITION «FRIEND – FOE» AS A MEANS OF INTRODUCING A SOCIAL MYTH IN BELARUSIAN NOVELS ABOUT COLLECTIVIZATION

M. IOSKEVICH

The purpose of the article is to trace features of introduction of a social myth in a literary text at the level of the system of characters through poles of the binary opposition «friend – foe» (based on the material of Belarusian literary works about collectivization). The mythological layer of literary works about collectivization includes an archaic heroic myth, as well as a myth about enemies who are an obstacle to achieving an ideal social order. In literary works about collectivization at the plot's level heroic myth is transformed into a narrative about people who conduct collectivization, whose activities are constructive and cause a positive mode of reader's perception. Foes try to disguise themselves in order to harm Soviet society. This contrast reflected requirements of the social myth and helped to justify persecution of «foes».

Keywords: social myth, collectivization, binary opposition «friend – foe», «Jazep Kruszyński» by Z. Biadula, «Roads Known and Unknown» by A. Kulakovskiy, «The Polessie Chronicle» by I. Melezh.